

Домик на колесах

Я перевернулась с боку на бок, вытянула отекавшие ноги и отложила в сторону недочитанную книгу. С верхней полки купе вагона было интересно наблюдать за убегающими вдаль стройными соснами. Они тянулись вдоль железной дороги уже сотни километров, иногда уступая свое законное место на земле небольшим деревням с далеко разбросанными один от другого домиками, поселкам и даже городам со своими неуклюжими новостройками-близнецами. Тогда вдаль начинали убежать дома и оставались позади жители населенных пунктов. Ночью я спала под монотонный убаюкивающий стук колес, утром позавтракала с соседями по купе, которые вскоре вышли на маленькой, затерянной среди множества сосен станции, и я осталась одна.

Я подумала о том, что почему-то в дороге, особенно в поездах, царит какая-то атмосфера доверия. Сначала придирчиво, с сомнением пассажиры осматривают своих новых соседей, бросая вскользь оценивающие взгляды, а потом, через какие-то полчаса, уже знакомятся и рассказывают друг другу о себе. Почему-то совсем незнакомым людям легче рассказать о самом сокровенном, открыть тайну и даже попросить совета. Домик на колесах, как когда-то в детстве я называла вагон, располагает людей к откровенности, и они с малознакомыми соседями говорят о том, о чем не могут рассказать даже своим близким. Иногда они обмениваются адресами, телефонами и много лет поддерживают связь с теми, кого видели один раз в жизни и то несколько часов. Бывает и так, что при расставании забывают взять адрес доброго случайного соседа, а потом долгие годы

память хранит его образ. Случается, что домик на колесах везет в себе любовь, и два одиноких сердца здесь встречаются друг друга, чтобы уже никогда не расставаться. Разве я не права?

Неужели ваша память не хранит образ какой-то старушки, давным-давно случайно встреченной в вагоне? Она вам, возможно, ничего не посоветовала, вы даже не поделились с ней ничем сокровенным, и, скорее всего, ее уже нет в живых, а вот нет-нет, да и вспомните ее с корзиной больших ароматных зеленовато-желтых осенних яблок. Может быть, она была одинокой, и ее могила давно заросла сорняками, о ней некому вспомнить, а ваша память, независимо от желания, хранит образ этой простой женщины. Я лежала и думала: почему так происходит? Возможно, зная, что нам придется провести несколько часов в одном вместительном домике, пожить под его общей крышей, всем вместе согреться в нем, мы на некоторое время становимся одной большой семьей. Входя в новую семью, мы хотим казаться лучше, чем мы есть, добрее, чем на самом деле, чище душою. И мы оставляем за порогом домика на колесах все свои плохие качества и с удовольствием делимся с соседом своим обедом, а потом и своими бедами, радостями, успехами. Став одной большой семьей, мы меняемся местами, без скандала, добровольно отдавая соседу свое удобное место, которое несколько часов назад с криками выбили для себя у кассира. На станциях мы провожаем своих соседей, помогая им дотащить до двери вагона тяжелые сумки, хотя на улице для случайного прохожего вряд ли будем это делать с таким удовольствием. Мы провожаем их, как давних добрых друзей, и когда заходят в наш общий домик на колесах новые пассажиры, встречаем их настороженными, изучающими взглядами, пряча подальше свои кошельки. Это в нашу семью вошел чужой человек, привнес дискомфорт. Но не проходит и часа, как мы к нему привыкаем, за одним столом пьем с ним чай, с удовольствием едим его домашнюю колбасу, принимая уже за своего.

«Да, интересные эти домики на колесах», — улыбнулась я сама себе и своим размышлениям и подумала: кто же будет те-

перь моим соседом? Ведь ехать мне еще долго. «Если молодая пара, то будет весело, — думала я. — Если женщина, будет интересно, если мужчина...» Я не успела закончить мысль, как поезд остановился на какой-то станции и громыхнула дверь вагона. Из моего окна не было видно названия станции, но ведь все равно сейчас кто-то зайдет, внося с собой свежий воздух с улицы, и все расскажет.

Дверь моего купе отворилась, и в проеме появилась женщина лет сорока-сорока пяти.

— Слава Богу, успела! — сказала она, втаскивая впереди себя увесистую полипропиленовую сумку.

Она тяжело дышала и сразу же плюхнулась на сиденье, желая перевести дух.

— Здравствуйте, — сказала она, вытирая платочком пот с покрасневшегося лица. — А то я зашла и повела себя по-свински — забыла поздороваться.

— Здравствуйте, — отозвалась я, с любопытством ее рассматривая с высоты верхней полки.

Эта рано поседевшая и явно выглядящая старше своих лет женщина казалась уставшей, измученной работой и самой жизнью. Увы, красавицей назвать ее было трудно. Даже слова «симпатичная» или «приятная женщина» никак к ней не клеились. Она была полноватая, шея, выдающая возраст женщины, у нее практически отсутствовала, и казалось, что голова с толстыми обвисшими щеками сидит прямо на плечах. Серые волосы были коротко подстрижены и обрамляли ее красноватое лицо с невыразительными глазами и тяжелыми веками. Ее лицо не красили и редкие, но широкие светлые брови, и уж совсем портил большой мясистый нос, свисавший картошкой почти до линии узких прямых губ. Создавалось впечатление, что нос, не выдержав своего веса, просто поник.

— Ты, деточка, давно уже едешь? — обратилась она ко мне с традиционным вопросом, чтобы начать разговор.

— Меня зовут Поля, можно Паша, — представилась я. — А вас?

— Можно тетя Лида, — ответила она. — Долго тебе еще ехать?

— Долго, еще день и ночь. А вам?

— И мне долго, детка, — вздохнула она.

— Что же так невесело, тетя Лида? В гости едете?

— Дочка у меня, Аня, такого возраста, как ты, — как-то грустно произнесла женщина, и только теперь я заметила, что у нее заплаканные глаза и темные круги под ними, говорящие о бессонной ночи, возможно, не одной.

— Она заболела?

— Ох, не знаю даже, как и сказать. — Женщина тяжело вздохнула, внимательно рассматривая меня. — Хуже это болезни или лучше. Ты вот, Паша, красивая, зеленоглазая, губки яркие и без помады, и носик у тебя точеный, а волосы — просто загляденье!

— Рыжие, — вставила я.

— Рыжие, но какие пышные, кудрявые, длинные! Наверное, мужики толпой бегают за тобой?

— Да прям уж и толпой! — улыбнулась я, ловко уйдя от ответа.

— А моя Аня красотой обделена. Да и в кого ей быть красавицей? У нас все в роду некрасивые. И муж у меня был, царство ему небесное, — женщина перекрестилась, — самый некрасивый парень в деревне. В молодости никак себе пару найти не мог — все девки от него шарахались. Вот он и прибился ко мне, тоже никому не нужной. Правда, человек был замечательный, жили мы с ним душа в душу, Аню в любви родили.

Женщина сделала паузу, очевидно перенеслась мысленно в далекое прошлое, а я молчала, не находя нужных слов.

— Говорят, от любви красивые дети рождаются, да видно, это все выдумки. Вроде бы и любили мы с мужем друг друга, а вот Аня... Ане досталось все худшее, что было в моей и мужа внешности, — сказала женщина, и мне стало искренне жаль ее дочь. — Конечно, мы ей с детства внушали, что не в красоте счастье, главное, чтобы судьба выпала хорошая. Говорили, потому что хотелось в это верить, и все силы потратили на то, чтобы воспитать ее хорошей, доброй девочкой, да и хозяйкой на все руки. Учиться в город послали, она стала медсестрой.

Как приедет в отпуск, спрашиваю: «Анечка, есть у тебя кто-то? Встречаешься с мальчиком?», а она мне в ответ: «Мама, посмотри на меня! Кому я нужна? Разве что какому-нибудь пьянице, который глаза зальет и не заметит, какой у меня нос». Она шутит, а у меня сердце кровью обливается. Для нас с отцом она ведь самая лучшая. Веришь мне, Паша?

Я верила этой некрасивой женщине, если вообще применим такой эпитет к женщине. Не прошло и полчаса, как она вошла в купе, а я уже прониклась к ней доверием, и мне жаль ее и незнакому мне Аню, ее дочь. Наверное, так бывает только в домике на колесах.

— Верю, верю, тетя Лида, — ответила я, невольно вспоминая о своем прошлом.

— А потом у нее появился парень. Отец не дождался этого момента — сердце схватило, и сразу умер. Может, оно и к лучшему, что он не дожил до сегодняшнего дня. Грех так говорить, но...

Женщина вытерла платочком набежавшую слезу и продолжила:

— Анечка на седьмом небе была от счастья, а я — тем более. Думала, услышал, наконец-то, Бог мои молитвы и послал дочери хорошего человека. Год они встречались, и дело шло к свадьбе. А потом он... Он ушел от Ани к ее подружке, бросив на прощание самое обидное: «Кому ты нужна, уродина?» Аня не выдержала этого и вскрыла себе вены. Хорошо хоть, что сделала она это на работе. — Женщина плакала без слез — видно, все уже выплакала. Потерев покрасневшие глаза, она продолжила: — Спасли ее, но она, глупенькая, твердит одно: «Не хочу жить, я никому не нужна, я — уродина».

— И что же теперь с ней? — с участием спросила я тетю Лиду.

— Забрали в психушку и держат там. Оттуда не выпустят, пока не перестанет думать о самоубийстве.

— Вы разговаривали с лечащим врачом?

— А как же! Разговаривала по телефону.

— Ну и что он говорит?